

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А.Тихомировой, И.И.Тихомировой и И.Н.Сардыко

город Санкт-Петербург

17 октября 2011 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан В.А.Тихомировой, И.И.Тихомировой и И.Н.Сардыко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, изучив представленные документы и иные материалы, в том числе объяснения постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н.Харитонов, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах; вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (часть первая); право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют: подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор; подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в

связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4–6 части первой статьи 27 данного Кодекса; осужденный – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 данного Кодекса; лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, – в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры (часть вторая).

1.1. Постановлением судьи Аргаяшского районного суда Челябинской области от 20 марта 2006 года, оставленным без изменения вышестоящими судами, уголовное дело частного обвинения граждан И.И.Тихомировой (которая приговором мирового судьи судебного участка № 1 Аргаяшского района Челябинской области от 1 марта 2004 года была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 УК Российской Федерации, и в отношении которой уголовное дело было прекращено на основании пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации) и В.А.Тихомировой (постановлением мирового судьи того же судебного участка от 3 августа 2005 года было назначено судебное заседание по уголовному делу по обвинению ее в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 130 УК Российской Федерации) было прекращено на основании пункта 5 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – в связи с отсутствием заявления потерпевшей (которая не выполнила указание мирового судьи о приведении заявления в соответствие с требованиями закона).

Президиум Челябинского областного суда своим постановлением от 16 июля 2008 года отменил постановление мирового судьи указанного судебного участка от 9 августа 2007 года (оставленное без изменения судами

апелляционной и кассационной инстанций), которым на Министерство финансов Российской Федерации была возложена обязанность возместить за счет казны Российской Федерации причиненный И.И.Тихомировой имущественный вред в сумме, выплаченной ею за оказание юридической помощи, а производство о реабилитации прекратил со ссылкой на то, что по уголовным делам частного обвинения право на реабилитацию Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации не предусмотрено. С этим решением согласился Верховный Суд Российской Федерации, отказавший в удовлетворении надзорной жалобы И.И.Тихомировой.

На том же основании было возвращено и заявление В.А.Тихомировой с просьбой о реабилитации (письмо судьи Аргаяшского районного суда от 27 ноября 2008 года); аналогичные ответы на свое обращение заявительница получила от заместителя председателя Челябинского областного суда (письма от 2 июня 2009 года и от 7 сентября 2009 года).

В.А.Тихомирова и И.И.Тихомирова просят признать положения частей первой и второй статьи 133, а также части первой статьи 134 и пункта 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, как не предусматривающие право на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения, противоречащими статьям 1, 2, 17–19, 21, 23, 45–48, 52, 53, 55, 120 и 123 Конституции Российской Федерации.

1.2. Приговором мирового судьи судебного участка № 1 Октябрьского района города Саратова от 12 марта 2007 года гражданка И.Н.Сардыко была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 129 УК Российской Федерации. Постановлением Октябрьского районного суда города Саратова от 20 августа 2007 года данный приговор был по апелляционной жалобе частного обвинителя отменен и уголовное дело в отношении И.Н.Сардыко прекращено на основании пункта 3 части первой статьи 24 и пункта 2 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации (в связи с истечением сроков давности уголовного преследования), а за частным обвинителем признано право на

удовлетворение гражданского иска. При этом апелляционная жалоба И.Н.Сардыко судом рассмотрена не была.

1 ноября 2008 года постановлением президиума Саратовского областного суда ввиду нарушения предусмотренного статьями 354 и 361 УПК Российской Федерации права И.Н.Сардыко на рассмотрение ее жалобы судом апелляционной инстанции постановление от 20 августа 2007 года было отменено и дело направлено на новое рассмотрение в тот же районный суд, который 9 декабря 2008 года вынес оправдательный приговор в связи с отсутствием в действиях И.Н.Сардыко состава преступления и признал ее право на реабилитацию. Оправдательный приговор суд кассационной инстанции оставил без изменения.

12 августа 2009 года решением Октябрьского районного суда города Саратова были частично удовлетворены требования заявительницы о возмещении ей имущественного ущерба и компенсации морального вреда, причиненных незаконным уголовным преследованием, а также о компенсации расходов по оплате труда адвоката, однако кассационным определением Саратовского областного суда от 7 октября 2009 года в удовлетворении заявленных требований отказано на том основании, что уголовное дело в отношении И.Н.Сардыко было возбуждено по обвинению, предъявленному частным обвинителем. С этим решением согласились все надзорные инстанции, включая Верховный Суд Российской Федерации.

И.Н.Сардыко оспаривает конституционность статей 42, 43, части второй статьи 133, части четвертой статьи 135 и части седьмой статьи 318 УПК Российской Федерации. По ее мнению, данные нормы содержат неопределенность в вопросе о том, имеет ли право на реабилитацию лицо, оправданное судом апелляционной инстанции по уголовному делу частного обвинения, и нарушают тем самым ее права, гарантированные статьями 53 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

1.3. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», проверяя по

жалобам граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Статья 42 УПК Российской Федерации содержит общие положения, касающиеся правового статуса потерпевшего, и как таковая направлена на защиту прав и законных интересов лиц, которым причинен вред преступлением. Соответственно, эта норма не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителей, равно как и статья 43 и часть седьмая статьи 318 УПК Российской Федерации, определяющие, кто является частным обвинителем и с какого момента лицо им становится, приобретая права, предусмотренные статьями 42 и 43 данного Кодекса.

Положения части первой статьи 134 УПК Российской Федерации, устанавливающие порядок признания права на реабилитацию, который применяется лишь при наличии оснований возникновения такого права, закрепленных статьей 133 данного Кодекса, также не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы заявителей в указанном ими аспекте.

Не нарушает какие-либо конституционные права и свободы заявителей и пункт 4 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации, который среди иных указанных в данной статье видов возмещаемого реабилитированному имущественного вреда называет суммы, выплаченные им за оказание юридической помощи.

Положения части четвертой статьи 135 УПК Российской Федерации, закрепляющие обязанность судьи не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда определить его размер и вынести постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда, которое должно осуществляться с учетом уровня инфляции, направлены на защиту прав и законных интересов лиц, незаконно или необоснованно подвергшихся уголовному преследованию, а потому также конституционные права заявителей не нарушают.

Соответственно, производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статей 42, 43, части первой статьи 134, пункта 4 части первой, части четвертой статьи 135 и части седьмой статьи 318 УПК Российской Федерации, подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации, служащие основанием для отказа лицу, в отношении которого выдвигалось частное обвинение, в возмещении государством вреда, причиненного в результате нарушения его прав и свобод судом.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53), реализация которого гарантируется конституционной обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба (статья 52) и государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46).

Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5), Протокола № 7 к данной Конвенции (статья 3) и Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), закрепляющие право на компенсацию, принадлежащее каждому, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или осуждения за преступление, если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, основанных на принципах правового государства, верховенства права, юридического равенства и справедливости, следует, что государство обязано гарантировать возмещение вреда, причиненного личности его органами и должностными лицами в ходе уголовного судопроизводства на любой его стадии, включая судебную. При этом необходимость максимально возможного возмещения вреда требует от законодателя принимать во внимание особенности регулируемых общественных отношений и – с учетом специфики правового статуса лиц, которым причинен вред при уголовном преследовании, – предусматривать наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц специальные публично-правовые механизмы, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года № 1-П, от 2 марта 2010 года № 5-П и от 19 июля 2011 года № 18-П).

Конкретизируя конституционно-правовой принцип ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, федеральный законодатель установил порядок и условия возмещения причиненного лицу в уголовном судопроизводстве вреда в отраслевых законодательных актах, прежде всего в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, нормами главы 18 которого регламентируются основания возникновения права на реабилитацию, порядок признания этого права и возмещения различных видов вреда, а также в Гражданском кодексе Российской Федерации, статья 1070 которого закрепляет, в частности, ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, исходя из необходимости охраны прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, устанавливает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6); при этом отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (часть вторая статьи 6).

Уголовное преследование является одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению защиты других конституционно значимых ценностей (статья 2; статья 52; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посягательства. Во исполнение данной обязанности

федеральный законодатель устанавливает порядок уголовного судопроизводства, в том числе виды уголовного преследования, которое в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (часть первая статьи 20 УПК Российской Федерации). Соответственно, уголовное преследование как процессуальная деятельность стороны обвинения, имеющая целью изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 УПК Российской Федерации), осуществляется уполномоченными на то государством правоохранительными органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими, действующими от своего имени при возбуждении уголовного дела, формулировании обвинения и его поддержании в суде.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, пункт 34 его статьи 5, определяет реабилитацию как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. По буквальному смыслу части первой его статьи 133, такой вред возмещается государством лишь тогда, когда он является результатом уголовного преследования, однако в числе возможных причинителей вреда, указанных в этой норме, назван и суд, который – согласно части третьей статьи 15 того же Кодекса – не является органом уголовного преследования, но который при разрешении уголовного дела обязан объективно и беспристрастно решить вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений. Не наделяя суд правом формировать обвинение, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, предусмотренном данным Кодексом (часть вторая статьи 8). Следовательно, только суд может разрешать дела, связанные с применением мер уголовной ответственности,

возлагаемой посредством обвинительного приговора – решения о виновности подсудимого, постановляемого именем Российской Федерации (пункт 28 статьи 5 и статья 296 УПК Российской Федерации), благодаря чему предъявленное, в том числе частным обвинителем, обвинение трансформируется в государственное осуждение, на основе которого назначается мера государственного принуждения – наказание.

Европейский Суд по правам человека также исходит из того, что, по смыслу подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, слово «осуждение» надлежит понимать как означающее и вывод суда о виновности подсудимого, после того как в соответствии с законом был установлен факт совершения преступления (постановление от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии»), и назначение наказания или иной меры, связанной с лишением свободы (постановления от 24 июня 1982 года по делу «Ван Дроогенбрук (Van Droogenbroeck) против Бельгии» и от 17 декабря 2009 года по делу «М. против Германии»).

Сообразно разграничению полномочий в осуществлении уголовного судопроизводства между органами уголовного преследования и судом локализуются и сферы возможного причинения ими вреда. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации право на возмещение вреда имеют не только подозреваемые, обвиняемые и подсудимые в случаях прекращения уголовного преследования в отношении них по реабилитирующим основаниям или оправдания (пункты 1 и 3 части второй статьи 133), но и осужденные – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям (пункт 4 части второй статьи 133).

Соответственно, применение реабилитации в конкретном деле является результатом принятия в рамках уголовного судопроизводства как решения, исключаящего имевшее место подозрение лица в совершении преступления

или снимающего выдвинутые против него обвинения, – оправдательного приговора, постановления или определения о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием события или состава преступления и по некоторым другим основаниям, так и решения, отменяющего незаконное осуждение, – полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по указанным выше основаниям.

При этом для реализации конституционно-правового принципа ответственности государства за результаты деятельности уполномоченных им органов и должностных лиц во всех сферах функционирования государственной власти не имеет значения, кем из участников уголовного судопроизводства со стороны государства допущены уголовное преследование и (или) осуждение невиновного, кто и в какой мере к этому причастен и имеется ли качественная преемственность между решениями, принимаемыми на разных этапах движения уголовного дела.

Исключительная прерогатива суда (судьи) в возложении уголовной ответственности и назначении наказания, обусловленная особым местом судебной власти в системе разделения властей, во всяком случае порождает обязанность государства возместить вред, причиненный при отправлении правосудия, – независимо от того, является ли судебное решение следствием незаконности уголовного преследования, усугубляющим его, либо результатом заблуждения или злоупотребления самого суда. Именно поэтому Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, исходя из возможности причинения лицу вреда в результате нарушения его прав и свобод не только должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, но прежде всего судом, обязывает к возмещению такого вреда по основаниям и в порядке, которые установлены данным Кодексом (часть четвертая статьи 11).

Отмеченное разграничение причинителей вреда имеет своей основой отделенность функции правосудия, как особого вида осуществления

государственной власти, от функции обвинения по уголовным делам, но не устанавливаемое статьей 20 УПК Российской Федерации подразделение видов уголовного преследования. Ни глава 18 УПК Российской Федерации, ни другие законодательные нормы, регламентирующие возмещение ущерба, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод в уголовном судопроизводстве, не содержат положений, исключających ответственность государства за незаконные действия (или бездействие) и решения суда по той лишь причине, что уголовное преследование осуществлялось в частном порядке. Иными словами, применимость закрепленного указанной главой специального порядка возмещения государством вреда предрешается не видом уголовного преследования, а особым статусом причинителя вреда, каковым могут быть лишь упомянутые в части первой статьи 133 УПК Российской Федерации государственные органы и должностные лица – орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд – независимо от занимаемого ими места в системе разделения властей.

4. Исходя из положений части первой статьи 20, статей 21, 144 и 145 УПК Российской Федерации решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, как правило, не зависит от волеизъявления потерпевшего – оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела. Соответственно, осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного обвинения является задачей прокурора, следователя и дознавателя; потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения.

Дела же частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются только по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (часть вторая статьи 20 УПК Российской Федерации). Устанавливая эти правила,

законодатель исходил из того, что указанные в данной норме преступления не представляют значительной общественной опасности и их раскрытие обычно не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства. При этом выдвижение обвинения и поддержание его в суде являются не обязанностью, а правом потерпевшего (статья 22 и часть третья статьи 246 УПК Российской Федерации).

Распространение публично-правового порядка реабилитации на дела частного обвинения предопределяется тем, что введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование соответствующих государственных сил и средств, а потому, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, именно государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия (Постановление от 27 июня 2005 года № 7-П).

Из содержания уголовно-правового отношения между государством и гражданином вытекает не только обязанность последнего соблюдать уголовно-правовые запреты, но и право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия. Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод

граждан в правоотношениях, связанных с публичной ответственностью, в частности уголовной, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из статей 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в том числе посредством справедливого правосудия (постановления от 12 мая 1998 года № 14-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 27 мая 2008 года № 8-П).

Приведенные правовые позиции, сохраняющие свою силу, распространяются и на правоотношения по реабилитации, возникающие в производстве по делам частного обвинения, которые остаются в сфере действия главы 18 УПК Российской Федерации в той мере, в какой вред, причиненный при осуществлении уголовного преследования частным обвинителем, является следствием незаконных решений со стороны рассматривающего данное дело мирового судьи или суда вышестоящей инстанции, что предполагает право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда как органа государственной власти или судьи как его должностного лица, и корреспондирующее ему публично-правовое обязательство Российской Федерации как демократического и правового государства перед пострадавшими при отправлении правосудия от действий уполномоченных им органов и должностных лиц.

При этом необходимость возмещения вреда за счет казны Российской Федерации обусловливается не только исключительным полномочием судебной власти принимать окончательные решения, в том числе по делам частного обвинения, но и определяющей ролью суда как единственного участника уголовного процесса со стороны государства по такого рода делам, от которого зависит сама возможность их возбуждения.

Включение элементов диспозитивности в уголовное судопроизводство – вплоть до придания волеизъявлению пострадавшего от преступления определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений по делам частного обвинения, в том числе для предотвращения нежелательных последствий его участия в уголовном процессе, – не меняет ни характера публично-правовых отношений, порождаемых фактом совершения преступления, ни природы принимаемых в связи с этим судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер, ни существа применяемых на основании этих решений мер государственного принуждения, а следовательно, не отменяет и обязанности государства обеспечивать установление такого правопорядка, который гарантировал бы каждому, кому причинен вред незаконными действиями (или бездействием) суда либо судьи как представителя судебной власти, компенсацию причиненного ущерба (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации).

Между тем жесткая обусловленность реабилитации незаконностью или необоснованностью уголовного преследования, усматриваемая правоприменителем в нормах пункта 34 статьи 5 и части первой статьи 133 УПК Российской Федерации при интерпретации последних вне системного единства с требованиями статьи 6 и части четвертой статьи 11 того же Кодекса, позволяет перекладывать компенсационно-восстановительные обязательства по делам частного обвинения во всех случаях на частного обвинителя (как это имело место в делах заявителей по настоящему делу).

Тем самым возможность реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, вопреки общему понятию обвиняемого, данному в статье 47 УПК Российской Федерации, фактически признается только для подозреваемых и обвиняемых, уголовное преследование которых осуществлялось в публичном

и частно-публичном порядке, предполагающем обязательные досудебные стадии уголовного процесса, в ходе которых на специально указанные в законе органы возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, с тем чтобы уголовное дело могло быть передано в суд.

Установление немотивированных различий в основаниях реабилитации лиц, фактически относящихся к одной и той же категории, нарушает конституционный принцип равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации), соблюдение которого, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 3 ноября 1998 года № 25-П, от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П, от 16 июня 2006 года № 7-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.), означает, помимо прочего, запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях.

5. В то же время специфика правовой природы дел частного обвинения, уголовное преследование по которым осуществляется частным обвинителем, ограничивает применение к ним положений главы 18 УПК Российской Федерации. Вынесение мировым судьей оправдательного приговора в отношении подсудимого по такому делу не порождает обязанность государства возместить причиненный ему вред (если он не был причинен иными незаконными действиями или решениями судьи), поскольку причинителем вреда в данном случае является частный обвинитель, выдвинувший необоснованное обвинение. Оправдывая подсудимого на законных основаниях, суд тем самым защищает интересы последнего, добросовестно выполняя возложенную на него Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации обязанность по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения (пункт 2 части первой статьи 6).

Регулирование эффективного восстановления в правах в таких ситуациях осуществляется на основе Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на судебную защиту, федеральным

законодателем, пределы усмотрения которого при установлении механизма защиты от недобросовестных действий частного обвинителя достаточно широки, однако должны определяться исходя из конституционных целей и ценностей, а также общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации.

Так, при оправдании подсудимого по делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному делу (часть девятая статьи 132 УПК Российской Федерации). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, взыскание в пользу реабилитированного расходов, понесенных им в связи с привлечением к участию в уголовном деле, со стороны обвинения, допустившей необоснованное уголовное преследование подсудимого, является неблагоприятным последствием ее деятельности (Определение от 19 февраля 2004 года № 106-О).

Возмещение же иного вреда за счет средств частного обвинителя главой 18 УПК Российской Федерации не предусматривается. Такой подход соотносится с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не меняет публично-правовой сущности уголовной ответственности и не является основанием для постановки его в равные правовые условия с государством в части возмещения вреда в полном объеме и независимо от наличия его вины (Определение от 28 мая 2009 года № 643-О-О). Отсутствие в главе 18 УПК Российской Федерации указания на возмещение вреда за счет средств частного обвинителя и независимо от его вины не может расцениваться как свидетельство отсутствия у государства обязанности содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов, затронутых необоснованным уголовным преследованием. Такая защита может быть осуществлена путем принятия судом по заявлению этого лица

решения о возмещении ему вреда в ином процессуальном порядке на основе норм гражданского права. Так, часть вторая статьи 136 УПК Российской Федерации прямо предусматривает, что иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. Согласно статье 151 ГК Российской Федерации суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда, если гражданину такой вред (физические или нравственные страдания) причинен действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законом (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2007 года № 136-О-О и от 28 мая 2009 года № 643-О-О).

Таким образом, необходимость обеспечения требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть вторая статьи 6), не исключает использования гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотреблений своим правом со стороны частного обвинителя, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу. При этом злоупотребление со стороны частного обвинителя правом на обращение в суд не предполагает устранение государства от компенсации вреда, связанного с уголовным преследованием этого лица, путем переложения на частного обвинителя своей ответственности за неправомерное вынесение судом обвинительного приговора.

В целях защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, допущенных

вследствие нарушения или неправильного применения судом норм права, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает различные формы проверки решений по уголовным делам, осуществляемой в специальных, установленных процессуальным законодательством процедурах – посредством рассмотрения дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Исправление судебной ошибки при помощи таких процедур направлено на восстановление законности и справедливости, что не может не учитываться при рассмотрении судом требований о компенсации морального вреда, причиненного гражданину в результате уголовного судопроизводства (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 года № 47-О-О).

Отмена судом надзорной инстанции акта о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующему основанию, принятого с нарушением требований закона, и последующее постановление по делу оправдательного приговора в связи с отсутствием в деянии состава преступления, как это имело место в деле И.Н.Сардыко, означают признание подсудимого невиновным и влекут за собой его реабилитацию (часть третья статьи 302 УПК Российской Федерации), поскольку тем самым констатируется, что как само решение о прекращении уголовного дела по указанному основанию, оставившее вопрос о виновности лица, подлежащего оправданию, без разрешения, так и вытекающие из его вступления в силу негативные правовые последствия (в частности, отсутствие у обвиняемого права на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, а также сохранение его обязательств по возмещению ущерба, причиненного частному обвинителю, в порядке гражданского судопроизводства) являются следствием судебной ошибки и должны рассматриваться, исходя из положений статьи 46 Конституции Российской Федерации и статей 6 и 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость

справедливой компенсации лицу, которому причинен вред таким нарушением.

б. Таким образом, положения частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой данные нормы – по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, – служат основанием для отказа лицу, в отношении которого выдвигалось частное обвинение, в возмещении государством вреда, причиненного незаконными и (или) необоснованными решениями суда (судьи).

Существующая в действующем правовом регулировании института реабилитации формальная несогласованность между положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предполагающими возмещение вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судом (пункт 2 части первой статьи 6 и часть четвертая статьи 11), с одной стороны, и положениями, обуславливающими право на реабилитацию незаконностью или необоснованностью только уголовного преследования (пункты 34, 35 статьи 5 и часть первая статьи 133), – с другой, порождает на практике противоречивое правоприменение, в связи с чем федеральный законодатель, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления, обязан устранить указанное рассогласование, обеспечив компенсацию негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов реабилитированных граждан на основе упрощенных процедур, соответствующих публичному характеру возникающих между ними и государством правоотношений и правовой природе реабилитации, базирующейся на конституционно-правовом принципе ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) всех его органов и должностных лиц.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47¹, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 87 и 100 Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,
Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 53, положения частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации в той мере, в какой данные положения – по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, – служат основанием для отказа лицу, в отношении которого выдвигалось частное обвинение, в возмещении государством вреда, причиненного незаконными и (или) необоснованными решениями суда (судьи).

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статей 42, 43, части первой статьи 134, пункта 4 части первой и части четвертой статьи 135, части седьмой статьи 318 УПК Российской Федерации.

3. Судебные решения в отношении граждан Тихомировой Валентины Александровны, Тихомировой Ирины Ивановны и Сардыко Ирины Николаевны, основанные на положениях частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации, признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня его опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление

должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 22-П